

В. А. МУНХАНОВ

РЕФОРМА ПОЗЕМЕЛЬНОГО УСТРОЙСТВА И УПРАВЛЕНИЯ СИБИРСКИХ «ИНОРОДЦЕВ» В ЗАКОНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.

В конце XIX в. в административной политике Российской империи в Сибири наметилась тенденция к унификации административно-управленческих форм. Отдельную проблему представляло подчинение общеимперским узаконениям «инородческого» населения Сибири, которое управлялось по «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. Мероприятия царского правительства в этом направлении проводились в несколько этапов.

С 1880-х гг. происходит ликвидация степных дум у бурят Иркутской губернии и хакасов. Дальнейшие мероприятия в этом направлении были связаны с проведением землеустройства народов Сибири, которое начинается с 1896 г., когда был принят закон «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской». Данный закон предусматривал регламентацию поземельного устройства Сибири. Закон предписывал строгое определение наделов и закрепление их за сельскими обществами, что должно было быть удостоверено отводною записью. Крестьяне и инородцы теперь должны были за пользование наделами вносить ежегодный платеж — государственную оброчную подать. Выделение наделов должно было произойти одновременно в результате проведения поземельно-устроительных работ. Причем размер надела согласно закону не мог превышать 15 десятин на мужскую душу (ПСЗ-3. Т. 16. № 12998 ст. 1–6).

В ст. 9 закона четко указывалось, что в случае превышения количества земель общего количества душевых норм, это сельское общество было обязано принять новых членов. Впрочем, в ст. 10 предусматривалась возможность владения землей свыше 15 десятинной нормы при наличии «уважительных причин» (Там же, ст. 9–10). Наряду с земельным наделом предполагалось наделение селян и лесными наделами в размере 3 десятин на мужскую душу. Министру земледелия и государственных имуществ предписывалось в ближайшие сроки разработать порядок производства поземельно-устроительных работ и приступить к исполнению закона. Министру финансов предлагалось разработать положения о замене государственной оброчной податью сборов и податей, взимаемых с крестьян и «инородцев» (Там же, ст. 11–16). Последний пункт получил дальнейшее развитие в законе от 19 января 1898 г. «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и поземельною податью» (Там же. Т. 18. № 14908). Закон предписывал отмену подушной и оброчной подати, ясачного сбора и сбора на межевание, взимаемого с крестьян и

«инородцев». Взамен отменяемых, закон вводил государственную оброчную подать, взимаемую за отведенные из казны земельные наделы, и поземельную подать, за земли, принадлежащие на праве собственности. Действие закона распространялось на крестьян и инородцев Енисейской и Иркутской губерний, купцов, мещан и цеховых. Четко были обозначены те, районы, на которые закон не распространялся.

4 июня 1898 г. были приняты «Правила о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» (*Там же*, № 15539). Закон конкретизировал порядок проведения землеустроительных работ и определял ответственных лиц поземельно-устроительных комиссий, определявших землеустройство по волостям. Также особенностью этого закона стала регламентация правил пользования лесными наделами.

Ключевым событием стало введение в действие «Временного положения о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» от 2 июня 1898 г. Целью данного закона было установление плотного контроля над русскими крестьянами и аборигенным населением Сибири. В системе управления сельским населением Сибири крестьянские начальники заменили чиновников по крестьянским делам в Западной Сибири и земских заседателей в Восточной Сибири. В целом крестьянские начальники получили большой круг полномочий. Им поручался надзор «за всеми установлениями» крестьянского и «инородческого» управления. Крестьянские начальники должны были следить за «хозяйственным благоустройством и нравственным состоянием» сельских жителей. Ст. 35 закона конкретизировала обязанности крестьянских начальников относительно коренного населения: «Крестьянским начальникам принадлежит: 1) исполнение лежащих на полиции, согласно положения об инородцах, обязанности по общему наблюдению за инородческим управлением и попечению о нуждах инородцев» и 2) «разрешение в качестве третьей ступени словесной расправы судебных дел инородцев, подведомственных их родовым управлениям» (*Там же*. Ст. 35). В каждом уезде учреждался уездный съезд земских начальников, который являлся второй апелляционной инстанцией, в которой могли быть обжалованы действия крестьянских начальников. В заседаниях съезда участвовал Податной Инспектор (*Там же*. Ст. 56). Таким образом, сельское и «инородческое» управление было выведено из-под контроля земских окружных судов, в ведении которых они находились со времен «Сибирского учреждения» графа Сперанского. Теперь все полицейские и административные функции передавались крестьянским начальникам, которые назначались в Тобольской и Томской губерниях — самим министром внутренних дел, а в Иркутской и Енисейской — генерал-губернатором Иркутского генерал-губернаторства (*Там же*. Ст. 10). Иерархическая лестница управления сельским населением вклю-

чала три ступени: участковые крестьянские начальники; уездный съезд, состоявший из крестьянских начальников уезда и исправника.

Первые мероприятия в этом направлении были проведены администрацией в конце 1898—начале 1899 гг. Изначально все округа в указанных в законе губерний были переименованы в уезды. Закон предусматривал введение в четырех сибирских губерниях 107 должностей крестьянских начальников и образование 25 уездных съездов. Причем в последствии предполагалось как увеличение общего числа крестьянских начальников, так и расширение территории действия данного положения. Постепенно действие закона должно было распространиться и на те районы, которые изначально в законе указаны не были. Так в Забайкальской области это стало возможно только после проведения поземельного устройства, которое было проведено согласно закону от 5 июня 1900 г. «Об утверждении главных оснований поземельного устройства населения Забайкальской области» (*Там же. Т. 20. № 18735*). В целом этот закон повторил положения аналогичного законоположения принятого ранее, в 1896 г., в отношении поземельного устройства в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. Неопределенным оставался вопрос о землях кочевых «инородцев» Забайкальской области, землеустройство которых предполагалось, но не регламентировалось окончательно в связи с невозможностью немедленного перевода их в разряд оседлых. Так, в 1901 г. институт крестьянских начальников был введен в Забайкальской области, на которую закон изначально не распространялся. Здесь было учреждено 19 должностей крестьянских начальников (*Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII–нач. XX в.). Иркутск: ЗАО «Восточно-Сибирская издательская компания», 2007. С. 136*).

Одновременно с причислением к категории оседлых администрация проводила волостную реформу: прежнее родовое административное деление, сохранявшееся еще со времен «Устава об управлении инородцев» 1822 г., заменялось сельскими обществами и волостями, по примеру русского крестьянского волостного административного устройства.

23 апреля 1901 г. было принято «Временное положение об устройстве общественного управления и суде кочевых инородцев Забайкальской области». Данное положение вводилось в действие вслед за распространением на Забайкальскую область «Временного положения о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» и подразумевало введение волостного управления у бурят и звенков Забайкалья (*ПСЗ-3. Т. 21, № 19984. Мнение государственного совета, пункт II*). С этого момента окончательно упразднились степные думы, инородные управы и родовые управления: система органов «инородческого» управления, сформированная по «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. была окончательно ликвидирована. Теперь кочевые «инородцы» Забайкальской области были разделены на волости, которые состояли из сельских обществ.

Таким образом, в это период, реализация стратегических планов правительства в отношении инородцев на практике, так или иначе, была связана с аграрной политикой. Вызвано это было тем, что именно решением административных вопросов связанных с организацией управления инородцами, а следовательно и с их поземельным устройством, напрямую были связаны планы правительства, касающиеся переселенческой политики и планы скорейшей интеграции сибирских «инородцев» в единое культурное, административное и политическое пространство Российской империи.

В годы первой русской революции землеустроительная деятельность была приостановлена. Дальнейшая реализация плана проведения землеустройства и реформы управления сибирскими инородцами связана с именем П.А. Столыпина. В 1908–1914 гг. происходит окончательное подчинение «инородцев» общеимперским узаконениям. Не смотря на то, что официально «Устав об управлении инородцев» отменен не был, его положения утратили силу: от патерналистской модели национальной политики Российская империя перешла к унификации.

Н.Н. НАУМОВА

ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ МОНАСТЫРЕЙ ЕНИСЕЙСКОЙ ЕПАРХИИ В НАЧАЛЕ XX в.: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В Енисейской епархии к началу XX в. имелось 2 женских монастыря: древний Енисейский Иверский (основан в 1623 г.) и Красноярский Знаменский (основан в 1888 г.), отстоявший на 48 верст от Красноярска; 4 мужских монастыря: северный Туруханский Троицкий (основан в 1660 г.), основанные в XVIII в. Спасо-Преображенский в г. Енисейске (1764 г.) и Успенский в г. Красноярске (1787 г.), а также Знаменский скит, учрежденный в 30 верстах от г. Красноярска в 1892 г. на пожертвование купца С.Н. Матонина. Именно в этот период перед монастырями как перед религиозными учреждениями традиционного общества встали проблемы существования в новых социально-экономических условиях капитализировавшейся Сибири. Женские обители лучше справились с ответом на вызов истории.

Женские монастыри России были многочисленнее мужских. Так, к 1900 г. в 503 монастырях империи проживало 8 578 монахов и 8 090 послушников, а в 325 женских монастырях и общинах — 10 082 монахинь и 31 533 послушницы (*Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1900 г. СПб., 1903. Приложения. С. 3*).

Численность братии Туруханского Свято-Троицкого монастыря колебалась от 3 до 6 человек, при этом средний возраст братии состав-